

Н. Н. СТРАХОВ

Вздых на гробе Карамзина

(Письмо в редакцию "Зари")

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М.Н

Карамзин, Карамзин! Какое чудесное имя, милостивый государь! Какую невыразимо-сладкою мелодиею звучит оно для ушей моих! Перед мысленным взором моим при этих звуках тотчас возникает образ столь светлый, столь чистый, столь привлекательный, что напрасно я бы попытался изобразить его красоту своею неискусною речью. Великий писатель, создатель русской истории, зачинатель нового периода нашей литературы, а главное -- человек несравненный по мягкости и благородству души, друг царей, но верноподданный России¹ -- чего же еще нужно для самой чистой славы? Можно быть полезнее Карамзина, но усерднее быть невозможно; можно превзойти его размером сил, но нельзя превзойти красотой подвига; можно быть более великим, но нельзя быть более прекрасным человеком и гражданином!

Вы, может быть, удивляетесь, милостивый государь, этому восторженному тону, столь редкому в наше холодное и скептическое время (мы нынче стали ужас как рассудительны!); но вы поймете мое душевное настроение, если я вам открою, что я воспитан на Карамзине, что мой ум и вкус развивался на его сочинениях. Ему я обязан пробуждением своей души, первыми и высокими умственными наслаждениями.

Так как я человек еще не очень старый, то вы должны найти странным это обстоятельство; между тем оно случилось довольно обыкновенным образом. Я воспитывался в месте диком и уединенном, в заведении глухом и невежественном. Так я осмелюсь назвать губернский город и учебное заведение, где я провел от двенадцати до шестнадцати лет моего возраста, те начальные годы, когда душа только что раскрывается для разумения и приемлет первые неизгладимые впечатления. Это было в самом начале сороковых годов. Припомните, какая это была блестящая и многозначительная эпоха в литературе. Лермонтов оканчивал свою деятельность, Гоголь издал "Мертвые Души", Белинский гремел все сильнее и сильнее и процветали "Отечественные Записки", переживавшие лучшую и незабвенную пору своего долгого существования. И что же? Наша семинария (кто по моей фамилии не догадался, что я семинарист?²) ничего об этом не знала, не имела ни малейшего понятия, как будто она стояла не на слиянии Волги и Костромы, а где-нибудь за семью морями, в Америке, еще не открытой Колумбом (из настоящего времени не приберешь и сравнения). Это заколдованное царство было истинно заколдовано страшной бедностью, непробудной ленью и непроницаемым невежеством. Вся эта масса народу от первого наставника до последнего из шести или семи сотен учеников -- ничего не делала, ни над чем не трудилась и жила столь беспечно и спокойно, как будто никаких дел и не существует на свете, тем беспечнее и спокойнее, что под видом высших занятий можно было даже забыть латинскую и греческую грамматику -- единственные сведения, которыми в начале учения украшается каждый семинарист.

О моя семинария! Когда-нибудь я напишу о тебе "особую поэму", разумеется в прозе, но -- никогда я не помяну тебя лихом. Ты запечатлелась в моем воображении картиною светлую, идиллическою. Простите, милостивый государь, если я невольно отдаюсь этим сладким воспоминаниям. Семинария наша помещалась в огромном, но заглошшем и обвалившемся монастыре, в котором не насчитывалось уже и десятка монахов. Монастырь был старинный, XV века; в защиту от татар и других диких племен, он окружен был крепостною стеною, в которую можно было всходить; в верхней части ее были амбразуры для пушек и пищалей, по углам башни, под башнями подземные ходы... Мы жили, так сказать постоянно и со всех сторон окруженные Историю.

В эту обширную и пустынную развалину каждое утро сходилась из города множество мальчиков и юношей; они собирались в зданиях, лепившихся у монастырских стен и часто более похожих на сараи для лошадей, чем на людские жилища. Живо помню вас, мои бедные товарищи! Это были большею частью дети сельского духовенства, следовательно, вполне деревенские мальчики, с деревенскими нравами, в деревенской одежде -- в лаптях и нагольных тулупах зимою, и только летом в более цивилизованном